

МБУК ЦБС Советского Муниципального района

Центральная библиотека

Отдел массового обслуживания.

«Светом закат моих дней озарившая...»

(Литературная зарисовка.)

Ни в чём так полно, радостно и светло не выражается душа человека, как в отношениях любви. Любовь - одно из самых возвышенных чувств.

Когда к человеку приходит любовь, могущественная сила, движущая мирами и сердцами, низводящая небо на землю и землю преображающая в Эдем, то в душе человека умирает всё случайное, и раскрываются лучшие её стороны.

У всех народов во все времена любовь воспевалась в литературе, обожествлялась в мифологии, героизировалась в эпосе, драматизировалась в трагедии.

Поэтам – первое место. Поэты всегда высоко ценили женщину. Они с благоговением поднимали её на пьедестал, посвящали ей свои тайные думы, расточали пыл души, приносили в жертву мечты и надежды. Можно сказать, что сама поэзия родилась вместе с женщиной.

И сегодня мы расскажем вам о поэте Владимире Сергеевиче Соловьёве, вернее, о его поздней и безответной любви. Сам поэт говорил о ней так: «Светом закат моих дней озарившая...».

Поэт-философ Владимир Сергеевич Соловьёв (1853-1900) занимает совершенно особое место в истории отечественной культуры. Сын выдающегося историка Сергея Михайловича Соловьёва, выпускник Московского университета, он стал предтечей русского символизма.

Эксцентричность внешности и манер Соловьёва, его житейская беспомощность сочетались у него с неподражаемым юмором.

Всю свою жизнь поэт и философ Владимир Соловьёв был очень одинок, никогда не был женат, не имел своего дома. Однако была в его жизни удивительная женщина, которой он посвятил несколько поэтических циклов.

Владимир Сергеевич познакомился с ней в 1887 году в Москве на квартире у Екатерины Ивановны Баратынской. Поскольку шли святки, гости, пожелав узнать своё будущее, стали гадать, и судьба распорядилась так, что через пять лет Софья Михайловна Мартынова стала поздней, безответной любовью Соловьёва. Баратынская так описывала Мартынову: «Внешность её – высокая, стройная дама, маленькая головка, волосы золотистые, глаза немного японские, небольшие, как у княгини Е.К. Вяземской. Игра физиономии – выразительная, очаровательная. Нос вздёрнутый, рот красивый, выразительный, полна женского охватывающего огня. Умная, очень образованная, остроумная. Особенно любила поэзию, много читала. Прекрасно играла в домашних спектаклях. Виктор Николаевич Мартынов был старше жены лет на восемь – девять».

Софья Михайловна была дочерью генерал – майора и наказного атамана Оренбургского казачьего войска Михаила Андреевича Катенина. Её дед по материнской линии, граф генерал-лейтенант Василий Васильевич Орлов-Денисов, был героем Отечественной войны 1812 года, его портрет находится в Военной галерее Зимнего дворца в Санкт-Петербурге. Кроме того, она доводилась пятиюродной сестрой Михаилу Юрьевичу Лермонтову, но по иронии судьбы вышла замуж за Виктора Николаевича Мартынова (1858 – 1915), младшего сына Николая Соломоновича, Мартынова, убившего поэта на дуэли в 1841 году. В связи с этим становится понятен интерес Владимира Сергеевича Соловьёва к этой роковой дуэли.

В своей литературно-критической статье, посвящённой поэту, Соловьёв упрекал М.Ю. Лермонтова в гордыни. Он видел в нём «прямого родоначальника того духовного настроения и того направления чувств и мыслей, а отчасти и действий, которые для краткости можно назвать «нищезанством» - по имени писателя, проповедовавшего крайний индивидуализм и культ так называемого сверхчеловека. «Первая и основная особенность лермонтовского гения – страшная напряжённость и сосредоточенность мысли на себе, на своём я, страшная сила личного чувства». Не потому ли многое в своей судьбе Михаил Юрьевич мог предвидеть; по словам Соловьёва, он «был более пророк, чем кто-либо из поэтов». Это видно, в частности, по стихотворению «Сон», где Лермонтов не только предчувствовал, но и прямо видел свою смерть.

На дуэли с Н.С. Мартыновым, писал В.С. Соловьёв, «Лермонтов вёл себя с благородством, - он не стрелял в своего противника, - но по существу это был безумный вызов высшим силам, который, во всяком случае, не мог иметь хорошего исхода. В страшную грозу, при блеске молнии и раскатах грома, перешла эта бурная душа в иную область бытия».

После смерти Николая Соломоновича Мартынова в 1875 году его сын Виктор Николаевич унаследовал родовую усадьбу Иевлево-Знаменское на берегу реки Клязьмы, которую чаще называли Знаменское (ныне Цесарка Солнечногорского района Московской области). В.Н. Мартынов служил в удельном ведомстве, был инспектором кавказских и крымских удельных имений.

Главный дом в усадьбе, построенный в первой половине XIX века, представлял собой двухэтажное каменное здание с колоннами и деревянным мезонином. Неподалёку находился каменный храм иконы Божией Матери «Знамение», построенный в 1733 году и капитально перестроенный в стиле ампир в 1830 году. Некоторое время В.Н. Мартынов был церковным старостой этой церкви. Широкая въездная аллея была липовой, в пейзажном парке росли вязы, сосны, лиственницы, серебристые тополя и другие деревья, было два пруда.

При Викторе Николаевиче усадьба Знаменское значительно преобразилась. По его инициативе за счёт земства была выложена булыжником дорога от станции Сходня до деревни Чёрная грязь на Санкт-Петербургском шоссе, а далее до Знаменского – за его счёт. В имении была большая библиотека, насчитывавшая до 700 томов одной только беллетристики.

В усадьбе был разбит фруктовый сад, построены оранжереи, в которых выращивали цветы и фрукты, на южной террасе дома устроен зимний сад, заведена пасека. Летом множество цветов, целые плантации роз украшали усадьбу. По словам Екатерины Ивановны Баратынской, в имении было четыреста сортов роз. Произошли изменения и в парке: был посажен еловый бор, а в конце липовой аллеи, около обрыва, построена деревянная беседка.

Жена Виктора Николаевича Мартынова была незаурядной личностью. Благодаря Софье Михайловне в доме Мартыновых в Москве и в усадьбе Знаменское собирались писатели, философы и учёные, среди которых был и Владимир Соловьёв. По воспоминаниям Татьяны Александровны Аксаковой-Сиверс: «Софья Михайловна (в Москве называли её – Сафо Мартынова) принадлежала к типу «*femme savante*» и носила английские костюмы, гладкие причёски, туфли без каблуков, много курила прекрасно ездила верхом и культивировала тон простоты. В её кабинете лежала зелёная суконная скатерть, испещрённая автографами людей, посещавших её салон. (Эти автографы были зафиксированы вышивкой шёлком и принадлежали людям чем-то знаменитым; других Софья Михайловна к своей скатерти не допустила бы). Эти знаменитые люди окружали Софью Михайловну по причине её всеми признанного ума и вопреки её некрасивому лицу монгольского типа, отношения с некоторыми из них как будто выходили за пределы «чистой дружбы». Я не совершу большой нескромности, если скажу, что её любимая дочь Вера была дочерью Сухотина. Об этом знала вся Москва, за исключением, может быть, самой Веры, да и то это неведение продолжалось до поры до времени.

Сыновья Сухотина от его первого брака с баронессой Бодде (второй раз он был женат на Татьяне Львовне Толстой), часто бывали у Мартыновых и в Москве, и в Знаменском, особенно Сергей».

Первая жена Михаила Сергеевича Сухотина баронесса М.М. Бодде-Колычёва умерла молодой, оставив дочь и пятерых сыновей, Сергей Михайлович Сухотин, впоследствии участвовал в заговоре против Григория Распутина. 1899 году Михаил Сергеевич Сухотин женился на дочери Льва Николаевича Толстого Татьяне Львовне, и у них родилась дочь Татьяна.

Мартыновы были дружны с Л.Н. Толстым и членами его семьи. Виктор Николаевич Мартынов познакомился со Львом Николаевичем ещё в 1880 году, когда ездил на охоту за лосями под Серпухов. Виктор Николаевич Мартынов любил поохотиться. В 1888 году он даже был избран председателем Московского общества охоты. В усадьбе Знаменское постоянно жил егерь, держали псарню с охотничьими собаками. Дочь Виктора Николаевича Надежда дружила в 1890-х годах с детьми Л.Н. Толстого.

К 1892 году, когда Владимир Соловьёв влюбился в Софью Михайловну Мартынову, у неё было четверо детей: Георгий, родившийся в 1880 году; Дмитрий; Надежда и Вера, родившаяся в 1891 году, судя по всему, от Михаила Сергеевича Сухотина. В январе 1892 года Соловьёв написал стихотворение:

Пусть осень ранняя смеётся надо мною,
Пусть серебрит мороз мне темя и виски,
С весенним трепетом стою перед тобою,
Исполнен радости и молодой тоски.
И с милым образом не хочется расстаться,

Довольно мне борьбы, стремлений и потерь.
Всю жизнь, с которою так тягостно считаться,
Какой-то сказкою считаю я теперь.

«Любовь Соловьёва и на этот раз носила глубоко мистический характер. Лучшее из стихотворений, вызванных личностью Мартыновой, «Зачем слова?» написано им в «телепатическом настроении». Как будто в лице Софьи Михайловны он в последний раз увидел её «розовое сияние» вечной Софии», - так писал о В.С. Соловьёве его племянник Сергей Михайлович Соловьёв.

Софье Михайловне льстило внимание известного поэта, но на его чувства она, в сущности, не отвечала взаимностью. 17 июня 1892 года появилось стихотворение:

Тесно сердцу – я вижу – твоё для меня,
А разбить его было б мне жалко.
Хоть бы искру, хоть искру живого огня,
Ты холодная, злая русалка!

А покинуть тебя и забыть мне невмочь:
Мир тогда потеряет все краски,
И замолкнут навек в эту чёрную ночь
Все безумные песни и сказки.

Чтобы быть ближе к любимой женщине, в июне 1892 года Владимир Сергеевич снял дачу из четырёх комнат в деревне Морщихино близ станции Сходня Николаевской дороги. Стихотворение, написанное Соловьёвым 3 июня 1892 года, начинается словами:

Душный город стал несносен.
Взявши саквояж,
Скрылся я под сенью сосен
В сельский пейзаж.
У крестьянина Сыся
Нанял я избу...

Из этой деревни в усадьбу Знаменское, которая находилась в 12 вёрстах от Морщихина, Соловьёв ходил пешком.

Там под липой у решётки
Мне назначено свиданье...
Я иду, как агнец кроткий,
Обречённый на закланье.

Всё как прежде: по высотам
Звёзды старые моргают,
И в кустах по старым нотам
Соловьи концерт играют.

Я порядка не нарушу, -
Но имей же состраданье:
Не томи мою ты душу,
Отпусти на покаянье.

Летом 1892 года Соловьёв создал цикл стихотворений, раскрывающий всю глубину его чувства к Софье Михайловне Мартыновой. Большинство стихотворений этого цикла были записаны поэтом в альбом Мартыновой: «Стих последний, прошу не примите буквально...» (Воробьёвка, 21 мая); «Ветер с западной стороны...» (Морщихино, 2 июня) ; «Светом закат моих дней озарившая...» (Морщихино, 9 июня) и другие.

Значительное место в альбоме занимал цикл акростихов «САФО». Начальные буквы строк образовывали имя Сафо, так звали древнегреческую поэтессу, и этим же именем близкие друзья называли Софью Михайловну Мартынову. Поскольку в лице Софьи Михайловны Соловьёв находил что-то японское, некоторые стихотворения поэта были отмечены восточным колоритом: «японская сказка», «аромат японских роз». Вот некоторые акростихи «САФО»:

Сказочным чем-то повеяло снова...
Ангел иль демон мне в сердце стучится?

Форму принять моё чувство боится...
О, как бессильно холодное слово!

Слов нездешних шёпот странный,
Аромат японских роз...
Фантастичный и туманный
Отголосок внешних грёз.

Светом закат моих дней озарившая,
Ангел-хранитель скорбящей души,
Фея, волшебные сны мне дарившая,
Огненный пламень во мне потуши.

В начале сентября 1892 года у Соловьёва на смену акrostихам «САФО» появляются акrostихи «МАТРЁНА».

Мадонной была для меня ты когда-то.
Алмазною радугой лик твой горел.
Таинственно всё в тебе было и свято.
Рыдал я у ног твоих тысячекрат и
Едва удавиться с тоски не успел.
Но скрылся куда-то твой образ крылатый.
А вместо него я Матрёну узрел.

В письме к Софье Михайловне Мартыновой он пишет о замеченной им «перемене» в образе «Сафо», о том, что Мадонна становится Матроной, и тогда «...остаётся только одно преимущество – быть самой умной и оригинальной из женщин (из баб, из матерей)»

Соловьёв оказался прав: Мадонна стала Матроной, в 1894 году у Софьи Михайловны родился пятый ребёнок – дочь Мария, а через несколько лет – сын Борис. Кроме того, её муж был опекуном малолетних детей Шереметевых. Софья Михайловна участвовала в обучении деревенских детей, позднее её дочь Надежда Викторовна и сын Георгий Викторович, были попечителями церковно-приходской школы. Жена Льва Николаевича Толстого Софья Андреевна писала в своём дневнике: «Лев Николаевич затеял разговор с Софьей Михайловной о детях вообще. Она их любит и идеализирует, а Лев Николаевич говорит, что дети и женщины эгоисты и людей самоотверженных встретишь только среди мужчин».

Существовала какая-то мистическая связь между Владимиром Сергеевичем Соловьёвым и Софьей Михайловной Мартыновой. 17 июня 1892 года им было написано стихотворение:

Нет вопросов давно, и не нужно речей,
Я стремлюсь к тебе, словно к морю ручей,
Без сомнений и дум милый образ ловлю,
Знаю только одно – что безумно люблю.

В алом блеске зари я тебя узнаю,
Вижу в свете небес я улыбку твою,
А когда без тебя суждено умереть,
Буду яркой звездой над тобою гореть.

Умер В.С. Соловьёв в возрасте 47 лет, 31 июля (13 августа по новому стилю) 1900 года в подмосковной усадьбе Узкое у своих друзей князей Трубецких. По удивительному стечению обстоятельств, владельцем этой усадьбы был двоюродный брат Софьи Михайловны Мартыновой Князь Пётр Николаевич Трубецкой, Московский губернский предводитель дворянства. Похоронен Владимир Сергеевич Соловьёв был в Москве на кладбище Новодевичьего монастыря вблизи могилы своего отца историка Сергея Михайловича Соловьёва.

Софья Михайловна Мартынова умерла в 1908 году после неудачно сделанной операции по поводу аппендицита, и была похоронена под мраморным крестом около церкви в усадьбе Знаменское. Однако её могилы уже не найти: в 1920-х годах в усадьбе находилась Алексеевская школьная колония МОНО (колония беспризорных), мальчишки разорили фамильный склеп Мартыновых и кладбище.

В настоящее время почти ничего не осталось от усадьбы Знаменское, не сохранилось даже её название. Лишь полуразрушенная Знаменская церковь и несколько старых деревьев усадебного парка напоминают нам о том, что в «знаменское» лето 1892 года Владимиром Сергеевичем Соловьёвым был создан замечательный «мартыновский» цикл стихотворений.

2012 г.

Зав. масс. обслуживания Чистоклетова А.М.